

Кинг С. Кладбище домашних животных : роман / пер. с англ. – М. : АСТ, 2000. – 464 с.

Кинг С. Нужные вещи : роман / пер. с англ. А.В. Аракелова под общ. ред. Т.Ю. Покидаевой. – М. : АСТ, 2015. – 830 с.

Кинг С. Тьма – и больше ничего. – М. : Астрель, 2012. – 414 с.

Кинг С., Страуб П. Черный дом : роман / пер с англ. В. Вебера. – М. : АСТ, 2015. – 768 с.

По Э.А. Ворон / пер. В. Бетаки // АртПортал – Поэзия и живопись [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://artsportal.ru/poetry/20713> (дата обращения: 01.01.2019).

Хук С. Эсхатологический миф (миф о конце света) [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://religion.wikireading.ru/81583> (дата обращения: 27.12.2018).

MYTHOLOGICAL MOTIVES IN THE MODERN HORROR LITERATURE (BASED ON STEPHEN KING'S WORKS)

The paper deals with the novels and stories by Stephen King, known as “the king of horrors”. Modern horror literature is shown to have been influenced by both Christian and pre-Christian mythological motives. The author shows how Stephen King uses mythological motives and related images to scare the reader. Appealing to well-known mythological motives contributes both to the plot and to the images used.

Key words: mythology; mythological images; Stephen King; horror; fear.

УДК 821.111

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ В ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ ХИЛАРИ МАНТЕЛ О ТОМАСЕ КРОМВЕЛЕ

М.А. Дезорцева

Научный руководитель: Н.Э. Сейбель,

доктор филологических наук, профессор (ЮУрГГПУ)

В статье рассматривается функционирование национального английского мифа в исторических романах английской писательницы Хилари Мантел «Волчий зал» (“Wolf Hall”, 2009) и «Внесите тела» (“Bring up the Bodies”, 2012). Герои исторической дилогии о временах Английской Реформации обращаются к национальным мифологическим образам и сюжетам для разрешения государственных, социокультурных и идеологических противоречий. В статье делается вывод о том, что национальные и религиозные мифы в произведениях подвергаются ре- и деконструированию, поддаются иной трактовке, вследствие чего приобретают новые смысловые значения, сильнее всего влияя на ход исторического развития государства.

Ключевые слова: миф; исторический роман; Хилари Мантел; Томас Кромвель; национальный миф; «Волчий зал»; «Внесите тела».

Отношения мифа и истории в художественном тексте – проблема, многократно подвергавшаяся обсуждению. Среди литературоведческих трудов, посвященных этой теме, следует назвать работы Ф.В.Й. Шеллинга («Философия искусства», 1802), Д. Фрезера («Золотая ветвь», 1890),

А.Ф. Лосева («Диалектика мифа», 1930), К. Леви-Стросса («Структурная антропология», 1957), Р. Барта («Мифологии», 1957), К. Юнга («Душа и миф: шесть архетипов», 1961), Х. Уайта («Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века», 1973) и др.

До начала XX века в истории культуры доминировало представление о мифе как особом типе мировоззрения, присущем преимущественно архаическим культурам. Ф. Шеллинг связывает возникновение мифологии с развитием и становлением культуры. Именно мифология является фундаментом для зарождения культуры, определяет ее специфику и дальнейшее развитие: «Народ обретает мифологию не в истории, наоборот, мифология определяет его историю» [Шеллинг 1966: 213]. Дж. Фрезер рассматривает миф как «наивный способ объяснения первобытным человеком окружающего мира», подчеркивая преимущество ритуала над мифом. Миф «отходит на второй план» и является попыткой объяснения или выражения ритуала [Фрезер 1980: 194].

А.Ф. Лосев («Диалектика мифа», 1930) приходит к выводу, что миф «представляет собой синтез четырех понятий – личности, истории, чуда и слова» [Лосев 2001: 174]. Особый аспект – осмысление исторической личности в мифе: «Личность берется в мифе исторически, а из ее истории берется вся словесная стихия» [Лосев 2001: 188]. Исходя из этого, мифология становится не вымыслом, а повествованием о событиях общественной или личной жизни, возможно, отдаленных во времени и оставивших малые свидетельства.

К. Леви-Стросс («Структурная антропология», 1957) отмечает, что особенность мифа заключается в том, что он приемлем в качестве исторического повествования о прошлом, но «диахроничен и необратим во времени, а в качестве инструмента объяснения настоящего (и будущего) – синхроничен и обратим во времени» [Леви-Стросс 1985: 385]. Другими словами, история в мифе – это вневременной рассказ о прошлом.

Х. Уайт считает, что мифология и история неразделимы. Он утверждает, что исторические события по большей части являются нейтральными, и только когда они «построены по определенной структуре сюжета или мифологической теории» [Уайт 2002: 239], возможно их осмысление. Поэтому историческое знание тесно связано с текущей научной доктриной, религиозной догмой, а также мифами и фольклором на раннем этапе становления общества. Уайт рассмотрел особенности исторического повествования («Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века», 1973), обозначил термином «тропология» теоретическое объяснение «вымышленного дискурса», создающего «типы культурных образов и связи между ними, способные служить знаками реальности» [Уайт 2002: 16]. Уайт обратил внимание на то, что законченное историческое исследование неизбежно содержит не

только набор исторических фактов, но и литературно-мифологическую форму.

Л.Г. Ионин («Социология культуры», 2000) пишет о том, что миф «есть реальность, ибо воздействует на реальность, изменяя ее, создавая или разрушая» [Ионин 2004: 98]. Одной из важнейших особенностей мифологии для нации является формирование национального мифа: «Мифологическая идентичность – это подлинная национальная идентичность, и уже на ее основе создаются культурная и политическая “надстройки”» [Ионин 2004: 98]. Национальный миф не только отражает национальное прошлое, но и способен объяснить явления настоящего, «представляет собой сегодняшнюю реальность» [Ионин 2004: 210]. Основная сфера существования национального мифа – это художественная культура, а «в литературе миф существует в форме нарратива» [Смит 2006: 65]. Данные точки зрения позволяют определить тот факт, что первичные представления о нации и первые мифологические образы и сюжеты создаются еще на начальном этапе формирования государства [см.: Савельев: URL], и их бытование в национальном сознании играет важную роль в определении хода развития исторических событий.

Проблему влияния национального мифа на общественное сознание и возможности ре(де-)конструкции национального мифа с целью управления политическим, экономическим и социокультурным развитием государства рассматривает в исторических романах «Волчий зал» (“Wolf Hall”, 2009) и «Внесите тела» (“Bring Up the Bodies”, 2012) английская писательница Хилари Мантел. В дилогии описываются времена правления Генриха VIII, когда английская нация стоит на пороге новой истории государства [см.: Hitchens 2011]. Активное содействие реализации этого процесса осуществляет английский деятель Томас Кромвель, которому осмысление и переосмысление исторического и мифологического прошлого необходимо для понимания контекста текущих событий и явлений государственной жизни, а также для осознания возможности ре(де-)конструкции мифов в общественном сознании с целью воплощения идей политического, экономического и социокультурного преобразования государства.

Английский национальный миф в произведениях Хилари Мантел включает в себя целый ряд фигур и событий, играющих особую роль в появлении и становлении государства: «Вы не поймете Альбион, пока не обратитесь к той поре, когда Альбиона не было и в помине» [Мантел 2011: 102]. В главе «Потаенная история Британии» посредством мифа, который кардинал Вулси рассказывает Томасу Кромвелю, обозначена мифологическая история происхождения англичан как нации, появления первого правителя, имеющего неземную силу и мощь, авторитет которого

с тех пор является непоколебимым. Тридцать три древнегреческие царицы, взбунтовавшиеся и убившие своих мужей, были посажены отцом на корабль, который со временем прибило к далекому туманному острову, названному в честь старшей сестры Альбионом. На острове они вступили в брак с демонами и породили великанов: «Их потомство заселило весь остров. У них не было священников, не было церквей и законов» [Мантел 2011: 104]. Через восемь столетий троянец Брут убил великанов и основал Новую Трою, нынешний Лондон, потомками Брута станут Тюдоры. Миф о появлении первого правителя задает траекторию пути исторического развития государства: «Откуда ни посмотри, все начинается с кровопролития» [Мантел 2011: 104]. Реконструкция этого мифа в романе становится условным катализатором развития идеи Кромвеля о занятии Англией главенствующей позиции среди других европейских государств.

Важной частью британской мифологии являются также мифы о династических браках как способах укрепления своего авторитета среди других стран. Бытующий в общественном сознании Миф о Трех Солнцах дает обоснование династическим бракам в семье Тюдоров: «Когда Эдуарду было восемнадцать, он получил знамение. <...> В десять утра взошли три солнца..., которые обозначали Трон Англии, трон Франции и трон Кастилии. Так что когда наш король женился на Екатерине, он приблизился к своим старинным правам» [Мантел 2011: 374]. В романе «Волчий зал» показано влияние данного национального мифа на принятие решения когда-то юного короля Генриха VIII согласиться с мнением своего отца в вопросе женитьбы на дочери испанского короля Фердинанда Екатерине Арагонской, бывшей жене брата, а также процесс деконструирования этого мифа. По ходу развития истории Генриху становятся заметны противоречия между собственным браком и сюжетом древнего мифа. Брак с Екатериной не укрепил позиции Генриха VIII как короля по причине того, что он не получил наследника. Генрих VIII задумывается о том, кто же должен понести ущерб от данного союза: древние законы истории или он сам? Решающим событием, предопределяющим ответ на этот вопрос, становится эпизод, в котором Генрих во сне увидел своего погибшего брата, принца Артура, первого мужа Екатерины: «— Кромвель, во сне ко мне приходил мой умерший брат. <...> — Кажется, сказал, что я занял его место. Забрал его королевство, его жену» [Мантел 2011: 376]. Кромвель, преследующий идею государственного преобразования, понимая, что развод с Екатериной — один из способов отделения Англии от власти католицизма, наводит короля на мысли подвергнуть сомнению необходимость брака с Екатериной: «Ваш брат посетил вас во сне не для того, чтобы пристыдить, а для того, чтобы напомнить: вы облечены властью и живых и мертвых. Это знак, что вам следует обдумать ваше правление» [Мантел 2011: 376].

Разрушая в общественном сознании миф о непреложности династических браков, Генрих делает все возможное, чтобы получить развод и жениться на Анне Болейн, при этом получая отказ от дальнейшего покровительства католической церкви.

Если образ Генриха прочно связан с национальным мифом о Тюдорах как основоположниках Англии, то фигура Анны Болейн фигурирует в романах в контексте национального мифа об иноземцах, полулюдях-получудовищах, пришедших править на чужой земле. Анна в национальном сознании соотносится с образом «женщин, вышедших из моря или из яйца – женщин с чешуей, плавниками и перьями» [Мантел 2011: 104], с образом ведьмы, заключившей сделку с дьяволом ради соблазнения короля. Анну считают ведьмой и иностранцы, все еще преданные католическим идеям (например, посол императора Карла V Шапюи: «Она околдовала короля, и теперь ради нее он готов на все – стать изгоем христианского мира, заслужить вечное проклятие» [Мантел 2011: 372]), и аристократия – Кранмер, Суффолкский, Сэмпсон, – не принимающая Болейнов и выступающая против их появления у власти: «Если она заколдовала его, брак незаконен, таково мое мнение» [Мантел 2014: 279]. В то, что Болейн ведьма, также верит простой народ, слагающий об Анне легенды: «Во Франции ведьмы умеют летать, вместе с орехами и сковородками. Там она этому и научилась» [Мантел 2014: 139]. Леди Мария, дочь Генриха и Екатерины, осознавая шаткость своего нынешнего положения при дворе, также обвиняет Анну в колдовстве: «Что до дружбы с конкубиной, она не станет так себя унижать. Она отталкивает руку, пожимавшую лапу дьяволу» [Мантел 2014: 378]. Те, кто на подсознательном уровне чувствуют опасность Анны, пришедшей к власти путем тайн и интриг, пытаются любыми способами дискредитировать ее перед Генрихом. Томас Кромвель же уважает тактику и силу Анны Болейн, их отношения похожи некую игру за возможность влияния на мнение короля. Именно поэтому в сознании Кромвеля образ Анны соотносится с мифологическим образом Царицы Савской: «В последней комнате он находит Анну Болейн. А вот и старые знакомцы, Соломон и царица Савская, как прежде, рядышком на стене» [Мантел 2011: 202].

В сознании Анны национальный миф тесно связан с мифом религиозным. Она осознает себя библейской героиней Иезавель – женой израильского царя Ахава: «Я – Иезавель. Вы, Томас Кромвель, – жрец Ваала» [Мантел 2014: 362]. Очевидно, почему в романе Анна сравнивает себя с этой женщиной: как и Иезавель, Анна тоже названа падшей, связанной с колдовством. Но, определяя роль Кромвеля в притче, она также подчеркивает схожесть их образов, так как жрец Ваала является посланником ада. Ярким примером влияния этого мифа на общественное

сознание является проповедь, которую произносит перед королем монах Пето: «Псы Самарии лизали кровь Ахава. Его сыновья погибли и лежали непогребенными на улицах. Иезавель выбросили из окна. Дикая собака разорвала ее в клочья» [Мантел 2014: 362]. В сознании сторонников католицизма религиозный миф предсказывает исход исторических событий – если «нечестивая Иезавель» [Мантел 2014: 362] заставит Ахава отказаться от своей религии, это приведет к ужасающим последствиям.

На фоне осмысления народом образа Анны как блудницы создается контраст между блудницей и девственницей, в роли которой выступает позже Джейн Сеймур. Джейн и Анна были троюродными сестрами, но, в отличие от родственницы, Джейн предпочитала вести неприметную жизнь. Являющийся в романе человеком Нового Времени, Кромвель не верит в средневековые суеверия, однако использует данное противопоставление в своих целях – представляет Генриху Джейн, делая акцент на ее противоположности Анне не только по внешности, но и по характеру: «По части благочестия и скромности у Джейн соперниц мало» [Мантел 2014: 143]. Составляя обвинение, он включает пункт «колдовство» в список прочих преступлений королевы, так как прекрасно понимает все еще тесную связь мифа о блуднице и мифа о ведьме в народном сознании.

Таким образом, герои исторических романов Хилари Мантел, стремясь осмыслить происходящие события в их исторической перспективе, проецируя их на прошлое и будущее, обращаются к национальным и религиозным мифологическим образам и сюжетам. В исторической диалогии национальный миф фигурирует в качестве не только атрибута национальной идентичности, но и инструмента разрешения государственных, социокультурных и идеологических противоречий. Национальные мифы реконструируются и деконструируются в произведении, обогащаются новыми оттенками, играя, таким образом, одну из важнейших ролей в политическом, экономическом и социокультурном развитии государства.

Список литературы

- Ионин Л.Г.* Социология культуры. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. – М. : Наука, 1985. – 399 с.
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. – М. : Мысль, 2001. – 561 с.
- Мантел Х.* Внести тела / пер. с англ. под ред. Е. Доброхотовой-Майковой, М. Клеветенко. – М. : АСТ : Астрель, 2014. – 478 с.
- Мантел Х.* Волчий зал / пер. с англ. под ред. Е. Доброхотовой-Майковой, М. Клеветенко. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 672 с.
- Савельев А.* Политическая мифология [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://savelev.ru/books/content/?b=4> (дата обращения: 19.02.2018).
- Смит Э.* Нации и национализм в глобальную эпоху. – Киев : Ника-Центр, 2006.

– 320 с.

Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 527 с.

Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. – М. : Политиздат, 1980. – 831 с.

Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. – М. : Мысль, 1966. – 496 с.

Hitchens T. The Men Who made England: Hilary Mantel's *Wolf Hall*. Rev. of *Wolf Hall*, by Hilary Mantel // Hitchens T. *Arguably*. – Toronto, 2011. – P. 146–151.

NATIONAL MYTH IN HILARY MANTEL'S HISTORICAL NOVELS ABOUT THOMAS CROMWELL

The paper discusses how the national English myth functions in Hilary Mantel's historical novels "Wolf Hall" (2009) and "Bring up The Bodies" (2012). This historical dilogy deals with the times of the English Reformation. Its characters use national mythological images and plots to sort out state, socio-cultural and ideological differences. The paper concludes that national and religious myths in H. Mantel's works are re- and de-constructed and receive new interpretations. As a result they acquire new meanings and have great influence on the state's historical development.

Key words: myth; historical novel; Hilary Mantel; Thomas Cromwell; national myth; "Wolf Hall"; "Bring up the Bodies".

УДК 860-25

ОНОМАПОЭТИКА ПЬЕСЫ А. ЛИДДЕЛЛ «МЕРТВАЯ СОБАКА В ХИМЧИСТКЕ: СИЛЬНЫЕ»: КОНТЕКСТ И ИНТЕРТЕКСТ

Я.О. Шебельбайн

*Научный руководитель: Н.Э. Сейбель,
доктор филологических наук, профессор (ЮУрГГПУ)*

В статье рассматривается пьеса А. Лидделл «Мертвая собака в химчистке: сильные», представленная на фестивале драмы ФИНД-2017. Особое внимание уделяется интертекстуальным связям пьесы с художественной и философской литературой XVIII–XIX веков, публицистикой, анализирующей международное положение 1990–2007 годов, и историческими лицами (Дидро, Руссо).

Ключевые слова: современная драматургия; интертекст; контекст; общественный договор; Руссо; Дидро; А. Лидделл.

Интертекстуальностью называют «способность текста полностью или частично формировать свой смысл посредством ссылки на другие тексты» [Смирнов 1995: 12], она является «средством расширения "горизонтов эстетического опыта" (Т.С. Элиот)» [Тамарченко 2008: 80]. Это «результат реализации особой стратегии текстопостроения, в рамках которой цитируются дискурсы, воплощенные в уже существующих текстах» [Тамарченко 2008: 80]. Интертекст решает важную задачу: трансформирует и переосмысливает тексты предшествующих эпох, «провоцируя их реинтерпретацию, и таким образом, обогащая